

принятия, а не вступления в силу) при вступлении в эту организацию в 1956 г.⁴ Так что обвинения СССР в нарушении международного права в отношении Японии необоснованны.

А вот в чем с Хасэгавой можно согласиться, так это в том, что Трумэн был не прав, трактуя молчание Токио в отношении Потсдамской декларации как отказ принять ее условия – скорее речь должна идти об отказе принять решение по поводу декларации. А ведь именно вольное толкование позиции Японии стало оправданием для применения ядерного оружия (с. 218).

Трумэн был недоволен вступлением СССР в войну до капитуляции Японии и даже не стал созывать пресс-конференцию по данному поводу (с. 224). Впрочем, это не помешало советской стороне одержать победу и достичь своих целей, чему способствовали катастрофические ошибки японского руководства. “Однако добился ли СССР успеха в конечном счете? Он смог завладеть военными трофеями, которых добивался, но [лишь] ценой длительной вражды японцев, продолжающейся и по сей день” (с. 227). Почему-то Япония не думала об отношении к ней стран, на которые она нападала (всегда без объявления войны) в минувшем веке.

В заключении (с. 228–240) Б. Бернштейн возвращается к отражению событий 1945 г. – уже не только в историографическом плане, но и с точки зрения политологов, теоретиков-международников и др. Для первых важно, какие свидетельства брать за основу, как их толковать, на что обращать особое внимание. Для вторых же, например, – насколько пос-

левоенная оккупация повлияла на характер современной Японии. Автор отмечает некоторые особенности современной историографии проблемы. Одной из них является постановка множества вопросов в духе сослагательного наклонения: а если бы Трумэн в июле 1945 г. гарантировал бы Японии сохранение монархии; а если бы он приказал сбросить атомную бомбу не в начале августа, а на несколько недель позже; а если бы Хирохито не захотел принять в августе решение о капитуляции? Заканчивается книга странным вопросом: как выглядела бы литература о капитуляции Японии и окончании войны на Тихом океане, если бы советские войска смогли проникнуть на Японские острова и оккупировать часть их? Конечно, выглядела бы она иначе, однако в данном случае бесперспективность подобного моделирования несостоявшихся событий очевидна.

В рассматриваемом издании проанализированы различные аспекты событий, связанных с завершением войны на Дальнем Востоке. Не во всем с авторами можно согласиться, однако нельзя не признать, что они проделали немалую работу и притом на высоком уровне, используя публикации на английском, японском и русском языках, привлекая архивные источники; налицо поиск собственных ответов или по крайней мере, новых аргументов в пользу уже высказывавшихся точек зрения. Несомненно, сборник, несмотря на спорность некоторых содержащихся в нем выводов, займет видное место в ряду исследований по истории Второй мировой войны на Дальнем Востоке.

⁴ Черевко К.Е., Кириченко А.А. Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия). М., 2006, с. 292.

А.В. Короленков,
кандидат исторических наук,
научный редактор журнала
“Новая и новейшая история”

**A. Wolfe. THE FUTURE OF LIBERALISM. New York: A.A. Knopf, 2009, 335 p.
А. Вольфе. БУДУЩЕЕ ЛИБЕРАЛИЗМА. Нью-Йорк, 2009, 335 с.**

Автор рецензируемой книги Алан Вольфе – известный либеральный ученый и публицист, профессор, директор Буаси-центра по исследованию религии и американской общественной жизни при Бостонском колледже. За его плечами почти полвека научной и общественно-публицистической деятельности. Им написано более десятка книг и он по праву считается одним из ведущих либеральных

мыслителей США. “Будущее либерализма” закрепляет этот его статус. Новый труд Вольфе вызвал значительный резонанс: опубликовано множество рецензий, его публичное обсуждение прошло в институте Брукинга.

С одной стороны, книга Вольфе интересна тем, что в значительной мере представляет собой плод его многолетних исследований и раздумий, а с другой – как отражение

конкретно-исторической ситуации 2008 г. и порожденных ею больших ожиданий среди американских и западноевропейских либералов, их надежд на начало своего рода либеральной волны, призванной дать ответ на вызовы XXI в. и отсечь консерваторов на политическую периферию.

Напрашивается параллель с нашумевшей в свое время статьей и книгой Ф. Фукуямы, провозгласившего в 1989 г. “конец истории”, грядущую победу мировой либеральной революции. С учетом опыта последних 20 лет Вольфе гораздо осторожнее. Говоря о слабостях произведений Фукуямы, он отмечает прежде всего их “триумфалистский тон” (с.28). Но избежать искушения “триумфализмом” ему самому все же не удалось. Об этом свидетельствует уже название первой главы книги “Будущего либерализма”: “Самая подходящая политическая философия для нашего времени”. Разумеется речь идет о либерализме. Задачу своего труда Вольфе видит в том, чтобы доказать, почему через 300 лет, прошедших с времен Дж. Локка “либерализм предлагает наилучшее руководство для нашего собственного времени и на будущее” (с. 4). Либерализм, утверждает Вольфе, настолько соответствует современности, что из этого возникает “такое чувство, что его взгляды и они одни представляют все принципиальное и мудрое” (с. 265). Причем, дело не только в силе либеральной мысли, но и в “способности управлять современностью”: либерализм более всего согласуется с тем, как функционирует “современный мир” (с. 254). Это прослеживается прежде всего в отношении либерализма к таким важнейшим явлениям современности, как глобализация и терроризм.

Вольфе разделяет взгляд на глобализацию как “позитивное развитие”, и “люди, заинтересованные в социальной справедливости должны ее приветствовать” (с. 273). Она – “орудие модернизации, а тем самым сила, содействующая либерализации” (с. 274). Либерализму, убежден Вольфе, “угрожает не столько избыток глобализации, сколько ее недостаток” (с. 275). Суждения такого типа дают основания полагать, что Вольфе серьезно переоценивает возможности контролировать глобализационные процессы и управлять ими. В этой связи более реалистичным представляется мнение коллеги Вольфе по либеральному лагерю, публициста из “Нью-Йорк таймс” Р. Козна: “В XXI в. стремительный процесс глобализации обгоняет все попытки контролировать его и направлять в нужное русло – это со всей очевидностью показал финансовый кризис 2008 г.”¹.

Анализ проблемы терроризма сводится у Вольфе главным образом к критике тех – будь то консерваторы или либералы – кто выступает за решительную борьбу с этим явлением, обвиняет Запад и особенно западноевропейские страны в политике “умиротворения” террористов и их пособников. Так мощный критический залп направлен против либерала П. Бермана, который усомнился в том, что чрезмерно толерантный либерализм устоит в борьбе против фанатиков – террористов, а ислам способен либерализироваться сам по себе. Вольфе обвинил его, как и прочих авторов, которые не верят в эффективность либеральных методов противостояния террору, в поражечестве. Либерализм, по его мнению, не должен сражаться против своих врагов, копируя их методы (с. 285).

Сам же Вольфе предлагает фактически довериться глобализации: “стремиться создать либеральный глобальный порядок, при котором как можно больше правительств избегали бы романтических мечтаний, нереалистических ожиданий и приглушали религиозный и идеологический энтузиазм” (с. 106). Таким образом, предполагается, что сама глобализация и будет решать порождаемые ею проблемы.

Самым же фундаментальным элементом политики либерального типа является то, что Вольфе называет “процедурным либерализмом” или “процедурализмом”. Хотя он возник еще в противовес старому монархическому порядку, тем не менее Вольфе считает, что процедурный либерализм “удивительно релевантен XXI в.” (с. 17). Эта сторона либерализма наиболее рельефно была представлена Б. Констаном. Весьма удачно, по мнению Вольфе, суть такого подхода сформулировал американский ученый С. Холмс: “В царстве политики правила становятся более фундаментальными, чем ценности” (с. 129). Отсюда стремление решать самые острые вопросы путем поиска компромиссов в бесконечных переговорах.

Главным антиподом Констана и процедурного либерализма вообще является у Вольфе известный немецкий правовед и политический мыслитель К. Шмитт, поставивший свой интеллект на службу нацистскому режиму. Для него понятие “политического” идентифицировалось с “самым интенсивным и крайним антагонизмом”. Поиску компромиссов Шмитт противопоставлял “децизионизм”, т.е. решение по принципу “или – или” и концепцию “друг – враг”. Одно из главных произведений Шмитта “Понятие политического” является, по словам Вольфе, “крестовым походом против либерализма” (с. 135).

О Шмитте автор вспоминает еще и для того, чтобы уязвить своих консервативных

¹ Козн Р. Планета контрастов. – Новая газета, 29.1.2010.

оппонентов, у которых он находит “склонность к шмиттианству” (с. 139). Иными словами речь идет о том, что они, в отличие от компромиссных либералов, готовы идти на крайние и чрезвычайные меры. Правда, такую склонность консерваторов либеральный ученый не связывает с симпатиями к нацизму.

Либеральный подход, делающий ставку на правила политической игры, закрепленные в процедурах, Вольфе считает более эффективным по сравнению с консервативным. Однако приводимые им доказательства выглядят не достаточно убедительно. Так, он объясняет долгий мирный период истории Запада от Венского конгресса до 1914 г. “величайшим политическим подъемом либерализма” (с. 130). При этом он упоминает только две войны – Крымскую и Гражданскую в США, как будто не было войн, связанных с процессами объединения Германии и Италии, а также на Балканах. Еще важнее отметить, что значительный отрезок относительно мирного периода был обусловлен в значительной степени страхом старорежимных монархий перед потрясениями и, в частности, искусной политической игрой “министра иностранных дел Европы” князя Меттерниха.

У Вольфе есть основания утверждать, что из исторического столкновения идей Константа и Шмитта победителем вышел поборник процедурного либерализма. Но все же нужно признать, что это победа, одержанная не нокаутом, а, скорее, по очкам. В доказательство победы Константа Вольфе ссылается на тот факт, что “либеральные демократии пережили две мировые войны, сохранив в неприкосновенности свои конституционные принципы” (с. 136). Однако, либеральная приверженность к компромиссам и уступкам, нашедшая выражение в пресловутой политике “умиротворения” фашистских агрессоров, в немалой мере способствовала развязыванию Второй мировой войны, победа в которой была одержана благодаря отнюдь не либеральному Советскому Союзу. Справедливости ради надо заметить, что Вольфе не отрицает большого вклада СССР в победу (с. 137).

Если Шмитт абсолютизирует исключительные обстоятельства, а тем самым и чрезвычайные, т.е. фактически крайние меры, то у Вольфе явное стремление к абсолютизации “процедурализма”. “Наилучший способ защитить либеральные ценности, – уверен он, – это действовать либеральным образом” (с. 156). Между тем многие консерваторы и часть, пусть сравнительно немногочисленная, либералов убеждены, что бывают такие ситуации, когда для защиты либеральных ценностей необходимы нелиберальные методы.

В качестве субстанциального принципа либерализма предстает у Вольфе стремление к равенству, сочетаемому со свободой. Это стремление в значительной мере воплощается в “государстве всеобщего благосостояния”. В нем же, по мысли Вольфе, проявляется присущая либерализму способность к “хорошему правлению”, которое призвано обеспечить всеобщее благо. При всей своей погруженности в социально-экономическую сферу такое государство, прежде всего, “моральный институт” (с. 83). Его глубинные истоки в идеях отцов – основателей либерализма Дж. Локка и И. Канта, которые в отличие от Ж.-Ж. Руссо уповали не на спонтанные силы природы, а на творческую энергию людей, создающих архитектуру общества.

Непосредственный генезис “государства всеобщего благосостояния” прослеживается от британских “новых либералов” рубежа XIX–XX вв. (Т. Грин, Л. Хобхауз, Дж. Гобсон) через “новый курс” Ф.Д. Рузвельта и идеи Дж. Кейнса до “великого общества” Л.Б. Джонсона. Именно этот президент, по словам Вольфе, “поднял американский либерализм до самого высокого уровня, который когда-либо был достигнут” (с. 236). Заслуживает особого внимания такой комментарий, сделанный Вольфе в этой связи: « С “великим обществом” Соединенные Штаты, наконец, пришли к тому, что уже давно осознали европейцы: правительство, будь оно хорошим или плохим, неизбежный факт современного состояния» (с. 237). Отсюда явствует, что “государство всеобщего благосостояния” для американского либерала ассоциируется с западноевропейским образцом, возникшим в результате либерализации социал-демократии и социал-демократизации либерализма.

Такому либерализму в качестве антитезы противостоит у Вольфе консерватизм, чье кредо – *laissez-faire*, т.е. минимальное государственное вмешательство и максимальная свобода рынка. На самом же деле либерализму противопоставляется не реальный противник, а своего рода идеальный тип, сконструированный на базе принципов классического либерализма XIX в. Ближе всего к нему либертарианская, весьма специфическая ветвь консерватизма. В реальной же действительности консервативные оппоненты Вольфе отнюдь не являются безоглядными сторонниками рыночных свобод, так как это фактически не совместимо с практической политикой XX, а тем более XXI в. “Государство всеобщего благосостояния” настолько основательно вросло в почву Запада, что даже таким успешным консервативным политикам, как Р. Рейган и М. Тэтчер, удалось лишь несколь-

ко притормозить темпы роста социальных расходов.

Фактически Вольфе считает “государство всеобщего благосостояния” монополией либералов, имея в виду исключительно социал-либеральную версию западноевропейского типа. С ней он и связывает будущее либерализма. Однако, благодаря “рейганомике” и “тэтчеризму” сформировалась своего рода консервативная альтернатива. Если социал-либеральный подход базируется, как известно, на высоких налогах, обеспечивающих рост социальных расходов, то консервативный подход делает упор на высокие темпы роста, стимулируемые снижением налогов. Если социал-либералы нацелены на перераспределение доходов за счет высоких налогов на богатых, то консерваторы полагали, что все, включая бедных, больше выиграют в результате роста экономики.

В сложной и противоречивой реальности нашего времени социал-либеральный и консервативный варианты социально-экономической политики не только противостоят друг другу, но и могут друг друга дополнять. Характерно, что в условиях современного мирового кризиса, который не мог обойти дорогостоящее “государство всеобщего благосостояния”, правительства многих стран, включая США, комбинируют либеральные, кейнсианские, по сути, методы с консервативными, рыночными, нацеленными на стимулирование бизнеса.

В отличие от либералов, постоянно подчеркивает Вольфе, консерваторы плохо вписываются в современность и не способны править в ее условиях. “Почему консерваторы не могут править”, – таково название одной из глав книги. Главные аргументы Вольфе – иракская война, нераспорядительность федеральной власти во время урагана “Катрина”. Неспособность консерваторов к правлению, считает Вольфе, обусловлена прежде всего тем, что они недооценивают роль государства.

Критикуя консерваторов, Вольфе в то же самое время говорит о толерантности и от-

крытости либерализма. Конечно, либералы должны стремиться к тому, чтобы их идеи брали верх над идеями их оппонентов, но “им не следует добиваться безоговорочной капитуляции” (с. 286). Консерваторы могут даже оказаться союзниками либералов. Однако это не консервативные популисты, представляющие самую серьезную опасность для либералов. Это не либертарианцы, склонные почти всецело полагаться на свободный рынок. Это, конечно, и не неоконсерваторы, которых Вольфе считает опасными воинственными романтиками, подверженными влиянию идей К. Шмитта. По сути дела, для Вольфе приемлемы лишь консерваторы прошлых времен: отцы – основатели США, особенно А. Гамильтон, а также британцы Б. Дизраэли, Г. Макмиллан и противники Тэтчер “мокрые тори”.

“Либерализм имеет значительное преимущество над соперниками, потому что он – политическая философия, наиболее способная справляться со сложностью современного мира” – таков один из заключительных выводов Вольфе (с. 286). Тем не менее, по его словам, либеральным политикам, особенно в Америке, часто недостает мужества либерализма. Они ведут себя так, “будто консерваторы – естественная правящая партия современного мира, а им, либералам, власть достается только тогда, когда правые временно отсутствуют” (с. 287). Поэтому величайший вызов для либералов состоит в том, “чтобы вновь поверить в либерализм” (с. 287).

В США степень поляризации либеральных и консервативных сил значительно выше, чем в других странах Запада. Что касается книги Вольфе, то она не только отразила это обстоятельство, но и поспособствовала ему.

П.Ю. Рахимир,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой
новой и новейшей истории
Пермского государственного университета